

УДК 82.09:140.8

Н. М. Раковская

Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова,
кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой мировой литературы

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ: ПАРАМЕТРЫ СТРУКТУРИРОВАНИЯ

В статье актуализируется исследование литературно-критического текста с точки зрения определения в нем параметров структуры. Рассмотрены такие аспекты как контекстуальность, интегративность, диалогичность, формы речевого общения. Отмечается, что в центре текста обозначена полемика, которая регулирует взаимоотношения автора, критика и реципиента. Указывается, что критический текст может быть системным (асистемным), целостным (фрагментарным) в зависимости от соединения различных элементов текста и авторских кодов. Параметры структурирования отражают авторское (критическое) миромоделирование и непосредственно связаны с развитием критического сюжета и системой жанровых и речевых высказываний.

Ключевые слова: критика, текст, диалог, полемика, системность.

Постановка проблемы. Последние десятилетия характеризуются появлением серьезных исследовательских работ в области теории и истории литературной критики. Достаточно назвать работы Р. Громяка, М. Зубрицкой, Б. Егорова, С. Яковенко, В. Крылова, Н. Астрахан, С. Луцак и др. Изучение предмета, природы, функций литературной критики позволяет поставить вопрос о системно-целостном подходе к её структуре. Заметим, что научная рефлексия осуществляет две цели: помогает понять предмет соответствующей науки и усовершенствовать инструментарий данной области знаний, «морфологию» науки. Очевидно, что рассматривая литературную критику как систему, указанные цели оказываются приоритетными. Достаточно вспомнить роль теории амбивалентности, полифонии и монологичности, оказавшимися значимыми для интерпретации не только художественного, но и критического текста. Вопрос о предмете критики сливается в сущности с вопросом о её функциональной природе, и при уяснении закономерностей становления и развития литературной критики как системы, он является едва ли не ключевым. В связи с этим необходимо чёткое понимание, для чего и во имя чего мы используем традиционные методы анализа или такие инструментарии, как теория информации и систем, рецептивная эстетика, философская антропология и т.д. Результативность в понимании литературной критики как системы возможна тогда, когда каждый критический текст будет осмысляться с точки зрения структурных элементов и их связей. Как отмечает Н. Кондратенко, «Установления основных

текстових категорій передбачає виокремлення інваріативних істотних ознак, що притаманні будь-якому тексту незалежно від його стильових, жанрових та інших особливостей. Вони відзеркалюють його внутрішню специфіку як процесу та результату комунікації й визначають процеси породження та сприйняття комунікантами» [2, с. 14].

Структурирование литературно-критического текста способствует постижению системы жанровых форм, ключевых знаков в их семантическом пространстве, связи между культурным кодом текста и коммуникативно-рецептивными процессами. Исследователи отмечают, что контекстуальность литературно-критического текста подразумевает познание явления во всех его соотношениях, «какими они присутствуют в облике самого предмета и в целях, смыслах его местоположения» [4]. Контекстуальность и когерентность критического текста предполагают внешнюю и внутреннюю взаимосвязь предметов и обстоятельств. В литературно-критическом тексте эта взаимосвязь осуществляется посредством отношений между критиком, автором, реципиентом. Включение в критический текст различных философско-эстетических систем способствует осмыслению разных параметров структурирования литературно-критического текста как возможности его интерпретации.

Значимым параметром является и декодирование информации, содержащейся в литературно-критическом тексте, ибо при всей полисемантности текста все же существует то инвариантное ядро, которое допускает противоположное толкование. Ю. Лотман отмечал, что новые коды читательских сознаний «выявляют в тексте новые семантические пласты и чем больше новых истолкований, тем долше его жизнь» [3, с. 160]. Эта идея дополняется размышлениями Р. Барта, указывающего, что «текст – это питательная среда, это пространство, не поддающееся ни классификации, ни стратификации, это галактика означающих» [1]. Думается, критический текст представляет собой метатекст, имеющий свою научную парадигму, более того, он определяет сущность критики как социо-культурной институции. Указанные смысловые связи обуславливают целостность и завершенность критического текста. Интерпретация смысла критического текста определяется оппозицией полемизирующих сторон. Каждый структурный элемент способствует проникновению в персониферу как критика, так и реципиента.

Параметры структуры текста связаны с системой авторских кодов. В критическом тексте важно выявить культурный код, риторический, социоисторический и код загадки (понимания), а также, блоки информации (БИ), устанавливающие различные смысловые отношения (критик – автор, критик – читатель и т.д.) в пространстве текста. В этом плане особую значимость приобретают границы полемики.

Полемическую задачу в критической статье выполняют монологические реплики, риторические вопросы, диалоги, аналитические рассуждения, пародийные фрагменты, сценки-описания, сравнения и параболы, стилистические

фигуры. В каждом конкретном случае сказываются эстетические, этические пристрастия критика, характер и степень его таланта, личностные черты, наконец, темперамент критика. В этом плане любопытна мысль Г. Шпет, отмечающего, что «если идея не разрешима вовне, – она – ничто. Но если она – живая действительная идея, она не «только идея», а вид, прежде всего внешний видимый облик» [5, с. 50].

Полемика может вестись как с современниками, так и с предшественниками. Скажем, в статьях В. Розанова «Русские критики» важным БИ является отрицание предшествующей традиции критического осмысления пушкинского творчества. Спор идет с определенным этапом эстетического сознания. Диалог диахронный, ответная реплика-опровержение не предполагается.

В статье Д. Мережковского «Достоевский» критик намеренно дает академически нейтральное название статьи. Обстоятельный экскурс в историю европейских литератур (социокультурный код), множество употребляемых по аналогии с романом «Преступление и наказание» имен и фактов из разных времен и пластов культуры, интертекстуальные вкрапления приглушают идею о Ф. Достоевском как пророке нации. В глубине текста зашифровано полемическое высказывание, имеющее конкретный, но не личный адрес.

Полемика Д. Мережковского плодотворна, ибо в ней отражается диалектика развития культуры, связанная с проблемой временных отношений и, в частности, критических суждений о Ф. Достоевском (В. Белинский, Н. Добролюбов, Ап. Григорьев и т.д.).

Отметим, что литературно-критический текст, включая цитаты и аллюзии художественного, так или иначе «вбирает» в себя художественное время как объективный компонент литературы, но в контексте критической статьи художественный текст как бы утрачивает свое самостоятельное существование, начинает жить по другим законам. Неизбежно трансформируется и художественное время, попадая в особое «поле» литературной критики – ее включенности в современность.

Литературная критика в данной ситуации стремится к одномоментности, к современности как центральной точке истории, но, вместе с тем, она объективно включена в делящийся процесс. Полемика выступает как звено этого процесса. Следует заметить, что иногда полемика возникает в журналах, и реплики критиков сменяются во времени. В такой ситуации синхронный диалог обретает свою диахронию. Благодаря полемике преодолевается самозамкнутость единичной критической рефлексии, мнение критика о факте искусства вступает во взаимодействие с суждениями предшественников и современников и оказывается одним из них в многоголосье культуры. Диалоги, куда включаются голоса оппонентов в пределах статьи, служат выражением полемической позиции ее автора.

Заметим, что при совершенно разной тональности (Ап. Григорьев заворачивает, увлекает энергией своего чувства, А. Дружинин, напротив, доверяется

читателю, постулируя свое равенство с ним, В. Розанов ведет игру с читателем) в диалогах текста есть нечто общее: критик в любых формах общения с читателем руководит, «управляет» им, внедряя в сознание своего адресата истинный взгляд на текст и предполагая, что читатель не останется равнодушным от внушаемой ему позиции. «Сопротивление» читателя для критика существует лишь в тех пределах и тех формах, которые введены и учтены в тексте его собственного критического суждения.

В связи с указанным, коммуникативная система выстраивается следующим образом: критик – передающий информацию, эстетическая ситуация (целевые коммуникации), текст произведения как знаковая система, читатель (воспринимающий информацию).

Однако необходимо учитывать, что ещё одним параметром в литературно-критическом тексте является моделируемая «беседа» оппонентов. Она оказывается и сущностной, сюжетообразующей, и условной, поскольку в данности литературно-критического текста до конца выявленными и закреплёнными в слове оказываются суждения и взгляды лишь одного из «лиц беседующих» – критика. Второе же лицо – публика – конструируется в тексте критического сочинения, становясь частью «мира» критика, и существует как нечто внеположенное данности литературно-критической статьи, осуществляя общение с читателем. Автор критической статьи, реализует свою волю, заявляя и доказывая правоту позиции, выстраивая логику умозаключений. Автор-критик оказывается одновременно и демиургом своего читателя-собеседника и реальным лицом, осуществляющим диалог с носителем иного сознания.

Читатель, воссоздаваемый в контексте критической статьи, является основным объектом обращения критика, его конструируемым адресатом, функционально замещающим реального читателя. Кроме читателя, тем или иным способом обозначенного или отмеченного в тексте, у литературного критика могут быть иные, периферийные адресаты или корреспонденты. Вероятно, на первом месте здесь окажутся «инакомыслящие», с которыми автор-критик вступает в полемику. Диапазон полемических контрагентов достаточно широк, многообразен и колеблется от конкретного индивидуального лица до обобщенного, внеличностного представителя противоположного направления (например: эстеты и публицисты, народники и критики религиозно-философского сознания и т.д.).

Однако, если функции литературной критики «двунаправлены» (влияние на внутренние процессы литературной современности и регулирование связей между искусством и социумом), то можно предположить, что диалоги критика с писателем и читателем занимают в статье соизмеримые места, создавая две сюжетные линии. Но это не так. Отношения между критиком и его адресатами (читателем, автором) сущностно различны, зависят от типа культуры и литературы и, естественно, приобретают различные жанрово-стилевые формы воплощения.

Таким образом, параметры структуры литературно-критического текста (коммуникативность, диалогичность, когерентность, интерсубъективность) приводят к пониманию критического текста как целостного и завершенного, либо фрагментарного, незавершенного.

Литература

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М. : Прогресс, Универс, 1994. – 616 с.
2. Кондратенко Н. В. Синтаксис українського модерністського і постмодерністського художнього дискурсу : [монографія] / Н. В. Кондратенко. – К. : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2012. – 324 с.
3. Лотман Ю. М. Структура художественного текста : [монография] / Ю. М. Лотман. – М. : Искусство, 1970. – 384 с.
4. Лукин В. А. Художественный текст. Основы лингвистической теории и элементы анализа : [учебн. пособие] / В. А. Лукин. – М. : Ось-89, 1999. – 192 с.
5. Шпет Г. Эстетические фрагменты. Современные напоминания : [монография] / Г. Шпет. – СПб. : Либликом, 2010. – 136 с.

References

1. Barthes R. Selected Works. Semiotics. Poetics / R. Barthes. – Moscow : Progress, «Univers», 1994. – 616 p.
2. Kondratenko N. V. Syntax of Ukrainian modernist and postmodernist literary discourse [monograph] / N. V. Kondratenko. – K. : Publishing House Dmitry Burago, 2012. – 324 p.
3. Lotman Y. M. The structure of the art text : [monograph] / Y. M. Lotman. – Moscow : Art, 1970. – 384 p.
4. Lukin V. A. Literary text. Fundamentals of linguistic theory and analysis of the elements / V.A. Lukin. – Moscow : Os-89, 1999. – 192 p.
5. Spaeth G. Aesthetic fragments. Modern reminder : [monograph] / G. Spaeth. – St. Petersburg : LIBROKOM, 2010. – 136 p.

Раковська Н. М.

ЛІТЕРАТУРНО-КРИТИЧНИЙ ТЕКСТ: ПАРАМЕТРИ СТРУКТУРУВАННЯ

У статті розглянуто літературно-критичний текст у площині структурування. Виокремлено низку аспектів його побутування: контекстуальність, інтегративність, діалогічність, форми мовленнєвого спілкування. Відзначається, що у центрі тексту помітною є полеміка, яка регулює взаємини автора, критика і реципієнта. Вказується, що критичний текст може бути системним (на противагу асистемності), цілісним (успереч тенденції фрагментаризації) в залежності від з'єднання різних елементів тексту та авторських кодів. У параметризації структури тексту втілено авторське світоmodellювання та відтворено рух критичного сюжету і динамічну систему мовленнєвих висловлювань.

Ключові слова: критика, текст, діалог, полеміка, системність.

Rakovskaya N. M.

LITERARY AND CRITICAL TEXT: STRUCTURING PARAMETERS

In the article the research of literary-critical text from the point of view of identifying the parameters of the structure is studied. Such aspects as contextuality, integration, morphed-syntactic chain, forms of voice communication are considered. It is noted that in the center of the text is marked the controversy, which governs the relationship of the author, criticism and recipient. indicates that the critical text can be systematic (nonsystematic), holistic (fragmentary) depending on the connection of the various elements of the text of the copyright and codes. The parameters of structuring the reflect copyright (Critical) world model and directly related with the development of the critical scene and the system voice utterances.

Key words: *critics, text, dialogue, polemics, systematic nature.*